«НАРОД, КОТОРЫЙ УМЕЕТ БЕРЕЧЬ КНИГИ»

Виноградная гроздь медового отлива свисает над ажурной верандой. Внизу, в густых зарослях ущелья, роет свой вековой путь Раздан. Над землей плывет август — месяц последнего дозревания. Завтра август кончится. Еще немного, и длина облегченно сменит тугую тетиву жгучих дней на первую осеннюю прохладу.

Расул Гамзатов сидит в центре ажурной веранды, прямо под арочной гроздью, перед маленьким столиком для нарда. Два восточных поэта — Геворг Эмин и Расул Гамзатов — играют в древнюю восточную игру, родившуюся не в Дагестане и не в Армении, а в Персии, там же, где родились и лучшие лирики мира — Саади, Хафиз, Фирдоуси, Рудаки.

— Шеш у беш, — постоянно стучат по инкрустированному дереву белые кругляши.

— Ду бара, — не менее звучно откликаются черные.

Два современных поэта играют в древнюю игру. Им нельзя мешать. Потому что игра для поэта — тоже дело. Азарт страсти — вещь, как известно, глубоко творческая. И я терпеливо сижу в стороне и жду, когда наступит время взять у аварского поэта интервью. Если я не успею этого сделать в ближайшие час или два, он уедет в Дилижан, где затворится на целый месяц, чтобы писать вторую часть книги «Мой Дагестан». Я все прекрасно понимаю, но чувство благоговения перед той страстью, с какой играет Гамзатов, берет верх. Из коттеджа выходит стройная красивая женщина с двумя девочками — жена Гамзатова Патимат с дочерьми. Поэт воспринимает это как знак. Пора. Пора ехать в Дилижан, пора дать интервью. И он оставляет зары. Пора, пора в Дилижан, где ждут его две самые любимые вещи в мире: тишина и начатая книга.

Мы поднимаемся на второй этаж, садимся у окна с прекрасным широким видом. Передо мной пустынный склон ущелья и умное сосредоточенное лицо аварского поэта. Крупная седая голова моего собеседника вылеплена со знанием дела: сильная, волевая порода чувствуется в каждой линии, в каждой детали этой прекрасной лещки. Глубоко запыленные глаза цепки, как у орла, полны огня пылкого и затаенного. Нос тоже характерной восточной кладки. Да, настоящий горный поэт, мудрец, родившийся на орлиной высоте мира. Именно таким должен быть человек, сказавший так много истин, настолько много, что однажды, образно говоря, Дагестан проснулся знаменитым, ибо весть о его умном сыне облетела мир. Маленькая страна притянула к себе взоры большой планеты. Такова сила поэзии. Такова сила мудрого слова.

— Главным моим впечатлением в Армении был Матенадаран. Я видел огромное уважение целого народа к своим книгам. Каких только музеев не повидал я на своем веку! Обычно это были собрания картин или кинжалов, изделий ювелиров, огнестрельного оружия, стрел, колчанов и шапек. Но только в трех местах в мире собрано самое ценное из всех ценностей человечества — рукописные книги. Я говорю о

книгохранилищах Ирана, Ватикана и Армении. Мне приятно сознавать, что армяне — это народ, который умеет беречь книги как зеницу ока, хранить их в веках и передавать из поколения в поколение святое уважение к рукописной, а подчас и кровью написанной книге. Обычно свою землю защищают все. Мы защищаем каждую пядь своей земли, дома, в которых выросли, свято храним память предков. Но рукописную книгу пронесли сквозь историю не все народы. А это огромный показатель культуры и веское свидетельство высокой любви к своим истокам. Мой друг и переводчик Геворг Эмин показал мне Аштарак, потом мы посетили могилу Маштоца в Ошакане. Тысячу пятьсот лет назад славному армянскому воину Месропу Маштоцу пришла мысль, что письменность сильнее оружия, и он создал армянский алфавит. Там, у могилы Маштоца, и в Матенадаране я с горечью думал о Дагестане, который прозвал целые тысячелетия, не имея книги и письменности. Протекла история сквозь сито времени, и не осталось от нее никаких следов. Только смутные, не всегда достоверные предания да песни, шедшие к нам из уст в уста.

В ауле храбрый горец жил И подвиги свершал. Однажды всемогущий хан Его к себе призвал. Ковры, светильники,

фонтан — Жемчужные струи. И разложил богатый хан Сокровища свои.

Все эти вещи хороши, но помни об одном: Ты, выбирая, не спеши, Чтоб не жалеть потом. Но храбрый горец отвечал, Достоинство храня: «Ты дай мне саблю и

кинжал, И быстрого коня. Хвала бесценным сундукам, Но их не надо мне, Все это я добуду сам При сабле и коне». Ах, горец, горец, предок мой,

Какой ты промах дал. Коня и саблю взял с собой А книгу ты не взял. Душа твоя чиста была, Но голова пуста, Нам книга больше бы дала, Чем стали острота. Судьбу свою вверяя ей, Не знали мы одно: Острее слово всех ножей, Быстрее коня оно. В нем всякой мудрости секрет

И мудрость красоты. Отстали мы на сотни лет, Вот что наделал ты! Так опоздавший ученик Приходит на порог, Когда за школьными дверями

Давно идет урок.

Над страницами стихов уже тысячелетия плачут арабы. Тысячелетия назад на пальмовых листьях индусы писали свои истины и заблуждения. Дрожащими руками я дотрагивался до этих листьев, подносил их к глазам. Если бы иранские шахи пришли в Дагестан не с огнем и мечом, а с мудростью Фирдоуси, с любовью Хафиза, с мужеством Саади, с мыслью Ибн-Сины, им не пришлось бы убегать без оглядки. В Нишлуре я посетил могилу Омара Хайяма. Там я думал: «Мой друг Хайям! Пришел бы ты к нам тогда вместо шаха, с какой бы радостью принял тебя народы наших гор». Уже создавалась алгебра, а мы не умели еще считать. Уже

звучали грандиозные поэмы, а мы еще не умели написать «мама». Все у нас было для книги: пылкая любовь, храбрые герои, трагедии, суровая природа, не было только самой книги.

Расул Гамзатов закрывает глаза. Мысль ширится, обрастает деталями, ветвится, как могучее дерево, охватывает всю душу поэта. И на все это натолкнул его вид наших древних рукописных книг. Расул Гамзатович продолжает:

— Когда дела иранского шаха, напавшего на Дагестан, стали плохи, он зарыл в землю драгоценности. Свидетелей шах убил. Но все же была обнаружена яма и сундуки с золотом. На 20 мулах увезли добро шаха. Среди других сокровищ попалось несколько персидских книг. Отец хана, который нашел сокровища, сказал: «Сын мой, большое богатство нашел ты. Раздай его воинам, а хочешь, продай. Оно все равно иссякнет. Но и через сто лет горцы найдут те перлы, которые спрятали в этих книгах. Не отдавай книги. Они дороже всех драгоценностей». Слышал я в детстве и такое. У Шамиля был секретарь. Шамиль никогда не пускал его в опасные места. «Имам, может быть, ты мне не веришь? Пусть меня на поле битвы», — взмолился юноша. «Если даже все погибнут, ты должен остаться в живых. Воина с саблей все могут заменить, но летописца — нет. Ты пиши книгу о нашей борьбе». Обо всем этом я пишу сейчас в Дилижане. Покой, свежий горный воздух и почти полное единение прекрасно сказываются на работе. Лучшего места для работы я не представляю.

Когда через два года я открыла книгу «Мой Дагестан», там и в самом деле стояло: «Книга эта написана в разных местах: и в ауле Цада, и в Москве, и в Махачкале, и в Дилижане». Зоркий глаз аварского поэта увидел в Армении вековую и бережную любовь к книге, святое отношение к ней. А спасенная книга — это спасенная культура. Как поэт, он знает цену книге. Как историк, он знает цену береженной в веках книге. Как мыслитель, он знает цену закрепленной в знаках культуры — закрепленной и тем самым победившей забвение. Расул Гамзатов заставил нас по-новому взглянуть на подвиг наших отцов и дедов. Ибо, оценивая по достоинству дело такого спасения, мы мало задумывались над тем, как же поступают другие народы, другие культуры. Нам казалось, что книгу спасают все. Слова Расула Гамзатова об Армении — это зеркало, глядя в которое невольно проникаешься самоуважением.

Есть радость дарения. Она знакома восточным людям. Но есть и другая радость — радость получения дара. Последняя несколько не свойственна мужчине и джигиту. Но когда в ваш дом заходит дорогой гость, садится к очагу и говорит весомые слова истины, вы невольно склоняетесь перед чистой беспристрастной речью. И оглядываете свой дом уже с новым чувством.

А теперь скажем: «Васалам, вакалам» — «С миром начал, с миром и кончил». Так всегда завершает свои книги Расул Гамзатов.

Н. СААКЯН.